
ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Д.С. УШАКОВ

доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры мировой экономики и международных отношений
ФГБОУ ВО Ростовский государственный экономический университет

Т.В. ПОДОЛЬСКАЯ

кандидат экономических наук, доцент,
зав. кафедрой международных экономических отношений
Южно-Российского института управления –
филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

ЭКОНОМИКА ПОТОКА ПРОТИВ ЭКОНОМИКИ ТЕРРИТОРИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ СОВРЕМЕННОГО КОНФЛИКТА ГОСУДАРСТВ И ПЛАТФОРМ

В статье представлен анализ Пунических войн как прототипического конфликта двух фундаментальных экономических парадигм – сетевой («экономика потока») Карфагена и территориально-административной («экономика территории») Рима. Показано, что данное противостояние имеет не исторически локальный, а архетипический характер, определяя долгосрочную динамику мировой экономики. Особое внимание уделено теоретическому обоснованию этой дихотомии как универсальной аналитической рамки. Определены основные исторические реинкарнации парадигм – от средневековых торговых республик до современных цифровых платформ. Обоснована перманентность этого конфликта, проявляющегося в современных противоречиях между глобальными сетевыми акторами и национальными государствами.

Ключевые слова: *экономическая парадигма, Пунические войны, Карфаген, Рим, сетевая экономика, территориальная империя, экономический конфликт.*

УДК: 330.3

EDN: EZFKEZ

DOI: 10.52180/2073-6487_2026_1_7_24

Введение

Пунические войны (264–146 гг. до н. э.) общепризнанно занимают центральное место в истории античного Средиземноморья, ознаменовав установление римской гегемонии. Авторитетные труды, от монументальных работ Т. Моммзена до современных академических исследований [7], последовательно акцентируют военно-стратегическое, политическое и культурное значение этого продолжительного конфликта, представляя Пунические войны как противостояние двух мощных держав, оспаривающих контроль над ресурсами, территориями и политическим влиянием. Т. Моммзен отмечал, что «вопрос шел о том, кому быть властелином берегов Средиземного моря и, следовательно, кому владеть миром... Ни Рим, ни Карфаген не могли делить власть над западными морями, и потому побежденный должен был сойти со сцены» [7, с. 498]. Подобный взгляд упускает из виду глубинное экономическое содержание конфликта, которое не только определяло его тотальный характер, но и проецирует свою логику на последующие эпохи, вплоть до современности. Как пронизательно заметил Ф. Бродель, «капитализм вовсе не является творением недавней промышленной революции... его истоки уходят в глубь веков» [1, с. 512]. Пунические войны, в этом контексте, предстают как один из ключевых моментов кристаллизации глубинных форм экономического устройства.

С точки зрения экономической науки значение Пунических войн выходит за привычные рамки военно-политической истории. Они знаменуют собой первый в западной истории зафиксированный документально тотальный конфликт между двумя принципиально разными экономическими системами, каждая из которых основывалась на собственной логике воспроизводства, накопления и пространственной организации.

Карфаген и Рим предложили миру альтернативные ответы на фундаментальные экономические вопросы: что является источником богатства? Как оно аккумулируется? И в какой форме существует? Их противостояние было не просто борьбой двух городов-государств, а схваткой двух универсальных экономических парадигм, которые в данной статье концептуализируются как «экономика потока/сети» (Карфаген) и «экономика территории» (Рим). Опираясь на традицию анализа «пространства потоков» и сетевых структур (М. Кастельс [14]) в противовес «пространству мест» и логике территориального суверенитета (Д. Харви [16], теория империи), а также на идею Ф. Броделя [1] о длительном противостоянии «миров-экономик» и территориальных империй, мы рассматриваем данные парадигмы не как исторические стадии, а как перманентные, идеально-типические (в веберовском смысле) формы организации крупных социально-экономических систем. Их сущность раскрывается в следующих архетипических моделях:

1) парадигма «экономики потока»: торгово-финансовая, сетевая модель, где богатство генерируется посредством обращения, арбитража и контроля над торговыми путями и финансовыми потоками. Эта модель опиралась на развитую систему морской торговли, на банковское дело и кредитные операции;

2) парадигма «экономики территории»: аграрно-административная, территориальная модель, где богатство извлекается из контроля над земельными ресурсами и эксплуатацией зависимого населения, выплачивающего ренту. Эта модель базировалась на крупном землевладении, использовании рабского труда и централизованном управлении захваченными территориями.

Именно этот конфликт систем, а не только армий, объясняет беспрецедентную жесточенность и итоговую формулу «Carthago delenda est» («Карфаген должен быть разрушен»). Победа требовала не просто политического подчинения, но и тотального устранения альтернативного принципа экономической организации, который угрожал самим основам римского господства.

Основная гипотеза данного исследования заключается в том, что карфагенская и римская экономические модели представляют собой не просто исторические феномены, но воплощение двух универсальных, архетипических и исчерпывающих парадигм организации крупных социально-экономических систем – «сетевой» (экономика потока) и «территориальной» (экономика территории). Вклад авторов заключается в системном сопряжении этих концепций в аналитическую рамку для ретроспективного исторического анализа и в обосновании их перманентного противостояния как ключевого двигателя макро-исторической динамики.

Цель исследования – на основе сравнительного анализа экономических структур, пространственной организации и социокультурных надстроек Карфагена и Рима эпохи Пунических войн доказать системный характер их противостояния как конфликта двух экономических парадигм, а также проследить исторические трансформации и современные воплощения этой дихотомии.

Данная цель реализуется через решение следующих задач:

1) реконструкция карфагенской модели как экономики потока, сети и финансового арбитража;

2) анализ римской модели как экономики территории, ренты и административной интеграции;

3) теоретическое обоснование предложенной дихотомии с опорой на современные социально-экономические концепции как аналитического инструмента, преодолевающего ограничения линейных моделей развития;

4) демонстрация исторической преемственности и актуальности выявленных парадигм на материале последующих эпох и современных глобальных процессов.

Для адекватной оценки значения Пунических войн необходимо преодолеть узкие рамки формационного подхода и рассмотреть конфликт через призму конкуренции экономических парадигм. Это позволит не только глубже понять античную историю, но и выявить устойчивые, архетипические модели экономического устройства, чье противостояние, меняя исторические декорации, продолжается в новых формах вплоть до настоящего времени.

Следовательно, Пунические войны заслуживают переосмысления в качестве прототипического экономического конфликта. Их истинное значение заключается не столько в военной победе Рима, сколько в обнажении и драматическом столкновении двух фундаментальных способов организации хозяйственной жизни человеческих сообществ.

Карфаген: экономика потока, сети и финансового арбитража

Для того чтобы реконструировать экономическую систему Карфагена, необходимо отвлечься от конкретно-исторической формы рабовладения и сосредоточиться на системообразующих принципах. Анализ экономической структуры Карфагена обнаруживает, что фундаментом его могущества служила не территория как таковая, но контроль над ключевыми узлами и магистралями распределения материальных и финансовых потоков.

В отличие от империй, стремящихся к непрерывному территориальному господству, экономическая модель Карфагена строилась на точечной, рассредоточенной сети анклавов. Ключевыми элементами были не провинции, а стратегически расположенные порты, фабрики и колонии (Гадес, Лилибей, Мотия). Вернер Хусс отмечал, что «мощь Карфагена основывалась не на господстве над сплошной территорией, а на контроле над сетью опорных пунктов и торговых путей. Это была талассократическая, основанная на морской торговле гегемония, которая простиралась, подобно архипелагу, над западным Средиземноморьем» [18, p. 127].

Пространство между этими точками – открытое море и земли, населенные иноземными племенами, – рассматривали не как объект для абсолютного покорения, но как среду для коммуникации и источник арбитражной прибыли. Эффективность экономической системы определялась не размером контролируемой территории, а плотностью, надежностью и пропускной способностью связей между составляющими ее элементами.

Не земельная рента, а прибавочная стоимость, получаемая из процесса обращения, являлась главным источником богатства Карфагена. Этот факт порождает ключевой теоретический вопрос. Согласно канонической марксистской традиции, капитал, как самовозрастающая стоимость, основанная на эксплуатации наемного труда и производстве прибавочной стоимости, является продуктом индустриальной эпохи [6], а следовательно, экономика Карфагена – лишь развитое «предкапиталистическое» торгово-ростовщическое хозяйство.

Тем не менее такой подход критикуют за технологический и формальный редукционизм. Некоторые исследователи [1] утверждают, что сущность капитала заключается не в конкретной форме труда (рабский или наемный), а в систематической, целерациональной ориентации на получение прибыли и последующее ее реинвестирование. Так, М. Вебер писал: «“Дух” капитализма ... систематическое и рациональное стремление к законной прибыли в рамках своей профессии [3, с. 86]». Карфаген служит ярким примером этого:

1) существование развитой системы морских займов (*foenus nauticum*) и практика, аналогичная вексельному обращению. И. Шифман отмечал, что «карфагенские банкиры (менялы) учитывали векселя, выдавали ссуды под залог товаров или недвижимости, принимали деньги на хранение. Таким образом, в Карфагене функционировали учреждения, по своему характеру близкие к банкирским домам более позднего времени [10, с. 265]». Это свидетельствует об оперировании абстрактной стоимостью, оторванной от конкретных товаров;

2) использование рабского труда носило в значительной степени товарно-денежный, а не потребительский характер [9, с. 54–57];

3) богатство карфагенской олигархии не оседало в сокровищах, но постоянно реинвестировалось в новые экспедиции, флот и инфраструктуру, подчиняясь императиву постоянного роста.

Таким образом, в экономике Карфагена проявляется не «ранний капитализм», но фундаментальная логика капитала – движение стоимости ради самовозрастания (M-C-M'), реализуемая в доступных исторических формах (рабство, личная зависимость). Это была экономика, в которой капитал впервые стал не побочным продуктом, а самодовлеющей целью.

Религиозная надстройка Карфагена не противоречила, но активно легитимизировала его экономический базис. В отличие от римской религии, с ее культом места и договором с богами (*рах деорум*), карфагенская религия служила инструментом управления коммерческим риском и обеспечения процветания предприятия.

Верховные божества – Ваал Хаммон, Танит – были покровителями мореплавания, сделок и накопления. Самый известный и противоречивый элемент культа – жертвоприношения, в том числе младенцев (молх), с точки зрения холодного, прагматичного расчета можно рассматривать как максимальную, необратимую инвестицию в метафизическое «страхование» коммерческих рисков. И. Шифман отмечает: «карфагенская религия была глубоко прагматичной. Верховные божества Ваал Хаммон и Танит считались покровителями города, его мореплавания, коммерческих успехов и накопления богатства. Религиозные обряды, включая самые суровые, воспринимались как необходимая плата (*do ut des* – «я даю, чтобы ты дал») за безопасность флота, удачу в торговых предприятиях и общее процветание общины [10, с. 215–216]».

Культурный код Карфагена был кодом прагматичного космополитизма. Карфагеняне не стремились к культурной унификации, охотно перенимая технологии, художественные стили и элементы культов (греческие, египетские). Язык и обычаи ценились не как признаки идентичности, а как инструменты снижения транзакционных издержек для заключения выгодных сделок с любым контрагентом.

Экономическому базису соответствовала специфическая политическая система. Карфаген представлял собой, по сути, олигархическую республику акционеров. «Совет ста четырех служил постоянным трибуналом, контролирующим поведение магистратов и военачальников, обеспечивая, чтобы они действовали в соответствии с интересами государства, – которые, по сути, были коммерческими интересами [13, р. 201]». Таким образом, Совет ста четырех и суфеты действовали как совет директоров и правление, где власть являлась производной от экономического успеха, а не от сакрального авторитета или военных заслуг.

В качестве метода интеграции использовался не унифицирующий закон, а индивидуальный договор (*foedus*), создававший гибкую периферию, что помогало минимизировать издержки прямого администрирования, переноса акцент с управления территориями на регулирование экономических отношений.

Таким образом, Карфаген предстает как первое в истории масштабное воплощение сетевой, торгово-финансовой экономической парадигмы. Ее ядром являлась логика капитала как самовозрастающей стоимости, реализуемая через контроль над ключевыми потоками, финансовый арбитраж и прагматичную надстройку, превращавшую религию в инструмент управления рисками. Уничтожение Карфагена в 146 г. до н. э. ликвидировало конкретного носителя этой модели, но не саму парадигму, жизнеспособность которой подтверждается ее многовековыми реинкарнациями.

Рим: экономика территории, ренты и административной интеграции

Если Карфаген представлял собой сложную сеть торговых связей, то Рим воплощал собой строгую иерархию власти; если богатство Карфагена рождалось в динамичном движении капиталов и товаров, то богатство Рима извлекалось из жесткого контроля над обширным статичным пространством. Римская экономическая система может быть с наибольшей точностью определена как территориально-административная империя, чья колоссальная мощь зиждилась на систематической эксплуатации интегрированных периферий посредством унифицированных правовых и фискальных механизмов, разработанных с имперской тщательностью.

Фундаментальной единицей римского могущества являлась провинция (*provincia*) с четко очерченными границами, структурированная на муниципии и центурии. Римская стратегия заключалась не в создании разрозненного архипелага влияния, а в формировании непрерывного, административно унифицированного пространства. Как отмечает В.И. Кузицин, система центуриации создавала «единообразную аграрно-административную сеть», превращавшую провинции в часть единого организма [5, с. 45–46]. Символом и важнейшим инструментом этого процесса являлась разветвленная сеть дорог. В отличие от морских путей Карфагена римские дороги служили в первую очередь для оперативного перемещения легионов, государственных чиновников и сбора налогов, обеспечивая тем самым военнополитический контроль и административную связность огромной территории. Дорога была не просто каналом экономического обмена, а актом включения и подчинения территории, демонстрацией имперской власти.

Экономическая жизнь в Римской империи была жестко привязана к земельному участку и городу, функционировавшему как центр территориальной администрации. Пространство между городами представляло собой не «среду для арбитража», как в Карфагене, а являлось объектом тщательного межевания, строгого налогообложения и интенсивного сельскохозяйственного освоения.

В отличие от Карфагена основными источниками богатства Рима и его правящей элиты были различные формы ренты и прямого изъятия продукта с контролируемой территории:

1) крупное рабовладельческое хозяйство – латифундия – было ориентировано на производство товарной продукции (зерно, оливки, вино), однако главной целью являлось извлечение ренты с земли, а не спекулятивная прибыль от арбитражных операций. Богатство сена-

торского сословия измерялось в обширных земельных владениях, а не в ликвидном капитале;

2) завоеванные территории облагались прямым налогом, размер которого определялся римской администрацией, а «союзники» – данью или поставками ресурсов. Эта система представляла собой хорошо отлаженный механизм административного изъятия прибавочного продукта для содержания государства, армии и столичного плебса. Налоговый откуп являлся еще одним прибыльным механизмом монетизации территориального контроля;

3) прямой грабеж и перераспределение собственности побежденных были легитимным и значимым источником первоначального накопления для римской аристократии и пополнения государственной казны.

Надстройка Рима служила стратегической задаче консолидации и гомогенизации пространства. В ее основе лежала тщательно разработанная сакрализация центра:

- римская религия была религией *paх deorum* – договора с богами, заключенного в строго определенном сакральном топосе (Рим, Капитолий). Боги покровительствовали не торговым сделкам, а Городу и его границам. Жертвоприношение являлось не инвестицией в рискованное предприятие, а неотъемлемой частью публичного ритуала по поддержанию мирового порядка, центром которого был Рим;
- в отличие от карфагенского космополитизма Рим проводил активную политику целенаправленной романизации – распространения латинского языка, римского права, строгих градостроительных канонов и единого образа жизни. Это была инструментальная гомогенизация, призванная стереть культурные различия и превратить разнородные народы империи в лояльных подданных, интегрированных в единую административную и ценностную иерархию. Как пишет Е.М. Штаерман, унификация культуры «служила задаче укрепления административного единства» и была направлена на создание «единого господствующего класса империи», лояльного римскому государству [11, с. 102, 115].

Политическая система Рима, от Республики до Принципата, была воплощением вертикальной, суверенной власти. Легитимность происходила из неразрывной связи с сакральным центром (Сенат и народ Рима) и персонифицировалась в фигуре магистрата, а затем и императора. Интеграция завоеванных территорий была процессом правового и административного поглощения: завоеванная территория становилась провинцией под управлением римского магистрата; ее элиты либо уничтожались, либо инкорпорировались через дарование гражданства.

Универсальный инструмент управления – римское право – был призван упорядочить все многообразие жизненных отношений на подконтрольной территории, создавая единое правовое поле. Власть была не договорной и диффузной (как в Карфагене), а суверенной, вертикальной и сакральной.

Устойчивость Карфагена была функциональной и зависела от бесперебойной работы торговых связей и сохранности ключевого хаба, римская же носила структурный и ресурсный характер. Потеря одной провинции не означала краха империи, ибо ее мощь, в отличие от Карфагена, опиралась на обширную внутреннюю территорию с резервной аграрной базой, значительными человеческими ресурсами и развитыми внутренними коммуникациями. Империя могла проигрывать отдельные битвы, но быстро восстанавливаться за счет мобилизации ресурсов с других, незатронутых участков своей территории. Эта «территориальная избыточность» стала одним из решающих преимуществ в затяжном конфликте с Карфагеном.

Теоретическое значение дихотомии: две парадигмы как двигатель экономической истории

Проведенный сравнительный анализ карфагенской и римской моделей позволяет выдвинуть фундаментальный тезис, имеющий значение для экономической теории и исторического анализа: развитие глобальной экономики определяется не линейной сменой формаций, а перманентным противостоянием и взаимодействием двух архетипических парадигм – «сетевой» (карфагенской) и «территориальной» (римской).

Господствующие политэкономические доктрины, от марксизма до неoinституционализма, часто исходят из линейной или стадийной модели развития (первобытность – рабовладение – феодализм – капитализм). Однако эта модель, как отмечал Ф. Бродель, плохо объясняет феномены, «словно выпадающие из ... жесткой периодизации» [1, с. 513], – сложные финансовые операции, долговые инструменты и глобальные торговые сети, существовавшие до промышленной революции.

Данная дихотомия предлагает иную, циклически бинарную оптику. Карфагенская и римская модели представляют собой не хронологические стадии, а две фундаментальные, вечно доступные стратегии организации крупных социально-экономических систем. Одна парадигма базируется на изъятии стоимости из внешних потоков, другая – на ее извлечении из внутреннего освоенного пространства. Их противоречие не снимается в синтезе, а воспроизводится – каждая эпоха лишь выбирает доминирующую конфигурацию и конкретную форму их воплощения.

Критический вопрос заключается в том, являются ли эти две модели исчерпывающими. Анализ позволяет утвердительно ответить на него исходя из базовых экономических категорий пространства и стоимости.

Любая сложная экономическая система должна решать два ключевых вопроса: 1) Откуда извлекать ресурсы/стоимость? и 2) Как организовать контролируемое пространство для этого извлечения? Существует лишь два принципиальных ответа:

- экстернальный (внешний): извлечение из потоков, циркулирующих между точками. Это требует контроля над узлами и каналами (порты, биржи, платформы) и порождает сетевую, договорную, финансово-арбитражную модель (Карфаген);
- интернальный (внутренний): извлечение из территории и привязанных к ней ресурсов. Это требует контроля над сплошным пространством, его административного деления и порождает территориальную, иерархическую, рентоориентированную модель (Рим).

Все исторически известные империи, корпорации и гегемоны укладываются в эту схему, представляя собой гибриды с доминированием одной из логик. Попытки создать «третий путь» (например, автаркичные утопии) либо исторически неустойчивы, либо являются крайней формой «римской» логики, доведенной до полного отрицания внешних потоков.

Таким образом, движущей силой макроэкономической и геополитической динамики выступает перманентный конфликт между этими двумя парадигмами. Важно подчеркнуть, что «сетевая» (карфагенская) парадигма отнюдь не является синонимом мирной или либеральной модели в современном понимании. Ее эффективность и устойчивость напрямую зависели от способности жестко контролировать ключевые узлы и защищать коммуникации. Флот Карфагена, а позднее вооруженные эскадры Венеции и Ост-Индских компаний были не менее важны для их экономики, чем торговые суда и векселя.

Таким образом, конфликт между «сетевой» и «территориальной» моделями – это противостояние не между миром и войной, а между двумя разными логиками применения силы: точечной, проекционной силой для контроля над потоками и сплошной, оккупационной силой для контроля над территорией. Их несовместимость носит системный характер: экспансия «Рима» (расширение территории) физически перекрывает каналы «Карфагена» (торговые пути, потоки капитала); успех «Карфагена» (финансовая детерриториализация, рост могущества транснациональных акторов) подрывает фискальные и идеологические основы «римского» суверенитета.

Это противостояние не является войной за ресурсы в узком смысле, а представляет собой борьбу за способ экономического бытия, за опре-

деление базовых правил мироустройства. Победа одной модели (как победа Рима над Карфагеном) никогда не бывает окончательной. Подавленная парадигма не исчезает, а уходит в «подполье» истории – в практики маргинализованных сообществ, в институциональные ниши, в культурную память, чтобы возродиться в новой форме, когда изменяющиеся технологические и социальные условия ослабят доминирующую модель.

Предлагаемая дихотомия не отменяет, но поглощает и переосмысливает ключевые оппозиции классической экономической мысли:

- промышленный vs финансовый капитал (К. Маркс) – это исторически конкретное проявление конфликта «римской» логики производства на территории и «карфагенской» логики извлечения из потоков обращения внутри эпохи модерна;
- саморегулирующийся рынок vs социальная защита (К. Поланьи [8]) – это конфликт между «карфагенским» проектом тотальной коммодификации (превращения всего в поток) и «римской» реакцией территориально укорененного социума, стремящегося сохранить целостность;
- ядро vs периферия (И. Валлерстайн [2]) – описывает структурное неравенство, присущее «карфагенской» логике изъятия, но не объясняет альтернативную «римскую» стратегию прямой административной интеграции периферии.

Следовательно, дихотомия «Карфаген–Рим» предоставляет универсальную аналитическую матрицу, позволяющую связать в единое смысловое поле «античные войны, становление капитализма, кризисы модерна и вызовы цифровой эпохи».

Значение Пунических войн выходит за рамки античной истории – они были первым глобальным (в масштабах известной ойкумены) проявлением извечного конфликта двух экономических парадигм. Признание бинарности этой системы и ее перманентного характера позволяет отказаться от прогрессистских иллюзий и увидеть в калейдоскопе исторических событий – от крестовых походов и деятельности Ост-Индских компаний до современных торговых войн и противостояния Биг Дата с национальными государствами – единый, вечно обновляющийся сюжет: новую Пуническую войну.

«Вечные Пунические войны»: современные воплощения двух экономических парадигм

Проведенный анализ позволяет утверждать: уничтожение Карфагена в 146 г. до н.э. не положило конец противостоянию двух экономических моделей, но лишь трансформировало его, отодвинув сетевую парадигму на периферию истории. История мировой экономики после падения антично-

сти предстает перед нами как череда стратегических «раундов», где извечные архетипы соперничества воплощаются в новых обликах.

После кажущегося триумфа римского принципа территориальной организации сетевая модель возрождается в виде анклавов, процветающих внутри и на границах формирующихся империй.

1. Средневековые торговые республики (Венеция, Генуя, города Ганзейского союза) являли собой «Карфаген в миниатюре». Их могущество основывалось не столько на обширных владениях (хотя они и имели место), сколько на доминировании в ключевых точках пересечения торговых путей (Венеция – контроль над путем в Левант, Ганза – господство на Балтике). Их политическая структура – олигархия, формируемая купеческими кланами; их богатство – прибыль от посреднической торговли, финансовых операций и обеспечения безопасности морских коммуникаций. Военные конфликты этих республик с континентальными империями, такие как войны Венеции с Византией и Османской империей, являлись классическим противостоянием сетевого влияния и территориальной мощи.

2. Ост-Индские компании (голландская, британская), частные акционерные общества, наделенные государствами-патронами квазигосударственными полномочиями, стали крупнейшими сетевыми корпорациями докапиталистической эпохи. В отличие от стратегии колониального заселения их целью было создание разветвленной сети факторий и опорных пунктов для монопольного контроля над потоками специй, тканей, чая и серебра. Противостояние Ост-Индских компаний с территориальными империями Востока (Империя Великих Моголов, Китайская империя) представляло собой прямое продолжение Пунических войн: логика свободного перемещения капиталов и договорных отношений сталкивалась с логикой сухопутного суверенитета и незыблемости сакрализованного центра.

Индустриальная революция, казалось бы, ознаменовала окончательное торжество «римской» логики в ее новой форме: национальное государство как суверенная территория, фабрика как упорядоченное производственное пространство, колониальные империи как неисчерпаемый источник сырья и рынок сбыта для готовой продукции. Однако, как показал Дж. Арриги, подъем британского промышленного лидерства был «предварен и подготовлен финансовой экспансией голландцев» в предшествующем столетии [12, р. 214] – и этот процесс соответствовал логике накопления в сетевых, а не в территориальных структурах.

Более того, сам индустриальный капитализм породил внутренний конфликт между «римством» (промышленное производство, требующее стабильной территории, развитой инфраструктуры и четкого рабочего законодательства) и «карфагенством» (финансовый капитал,

стремящийся к свободному трансграничному движению). Этот глубинный конфликт, обстоятельно описанный Р. Гильфердингом [4], а позднее К. Поланьи, достиг своего апогея в XX в. в форме противостояния кейнсианской модели капитализма, «встроенного» в национальное государство, и неолиберального проекта, направленного на полную детерриториализацию капитала.

В конце XX – начале XXI вв. мы наблюдаем небывалый ренессанс сетевой парадигмы, освободившейся от остатков территориальных ограничений благодаря стремительному развитию цифровых технологий. Компании-платформы, такие как Google, Meta (признана в Российской Федерации экстремистской организацией и ее деятельность запрещена), Amazon, являются прямыми наследниками карфагенской логики. Их активы преимущественно виртуальны (данные, алгоритмы, сетевые эффекты), а их богатство формируется за счет контроля над потоками информации, пользовательского внимания и транзакций¹. Они создают собственную экстерриториальную юрисдикцию посредством пользовательских соглашений, а их власть проистекает из контроля над ключевыми узлами (серверы, магазины приложений) и каналами (поисковые системы, ленты новостей). Их бизнес-модель основана на арбитраже и взимании комиссии с любого взаимодействия в рамках их цифровой сети.

В ответ на экспансию цифровых платформ государства прибегают к классической «римской» стратегии. Они утверждают цифровой суверенитет, провозглашая данные своих граждан неотъемлемой частью национальной территории (GDPR в ЕС – самый жесткий в мире закон в области конфиденциальности и безопасности данных, законы о локализации данных²); стремятся обложить цифровые потоки «данью» (цифровые налоги), регулировать деятельность платформ и возводить «цифровые барьеры» (Великий китайский файрвол, проект «суверенного Рунета»). В качестве инструментов используются антимонопольное законодательство, экономические санкции, требования к передаче технологий, что представляет собой попытку административного подчинения сетевой силы территориальному закону.

Конфликт между сетевой и территориальной логикой вышел на уровень глобальных коалиций, которые можно рассматривать как коллективные воплощения соответствующих архетипов:

---

¹ The Rise of Google, Meta (признана в Российской Федерации экстремистской организацией и ее деятельность запрещена), Amazon, and YouTube in Advertising. Quattr Insights, 26 Apr. 2024. <https://quattr.com/insights/company-research/the-rise-of-google-meta-amazon-and-youtube-in-advertising>

² European Commission. Data protection under GDPR. https://commission.europa.eu/law/law-topic/data-protection/legal-framework-eu-data-protection_en

Атлантический альянс (во главе с США) все более явно действует как «глобальный Карфаген»: его сила – в контроле над мировыми финансовыми потоками (доллар, система SWIFT), глобальными информационными сетями и международными нормативными стандартами. Боевые действия часто ведутся посредством методов сетевого давления, таких как экономические санкции, «цветные революции», и массированные информационные кампании.

Евразийские державы (Китай, Россия) последовательно отстаивают логику «нового Рима»: приоритет государственного суверенитета и контроля над территорией, включая киберпространство, формирование региональных экономических зон с четко очерченными границами (Экономический пояс Шелкового пути, Евразийский экономический союз), защита от внешнего сетевого вмешательства. Их идеология многополярного мира является проекцией «римского» принципа четкого разграничения сфер влияния на глобальный уровень.

Гипотеза о «вечных Пунических войнах» находит весомое подтверждение в современных реалиях: от средневековых торговых республик до современной конфронтации между транснациональными платформами и национальными государствами мы наблюдаем одно и то же фундаментальное противостояние. Конкретные действующие лица, технологические инструменты и идеологии подвержены изменениям, однако логика конфликта между экономикой потока и сети и экономикой территории и закона остается неизменной. Этот подход позволяет не только по-новому структурировать понимание исторического процесса, но и с повышенной точностью диагностировать суть современных экономических и геополитических конфликтов, распознавая в них не хаотичную борьбу за ресурсы и влияние, а проявление глубинных системных закономерностей.

Заключение

Проведенное исследование позволило осуществить переосмысление исторического значения Пунических войн и предложить новую теоретическую рамку для анализа долгосрочных тенденций в мировой экономике.

Пунические войны были не просто военно-политическим конфликтом, а первым в истории тотальным столкновением двух принципиально разных экономических систем (парадигм): сетевой, торгово-финансовой модели Карфагена, основанной на извлечении прибыли из обращения и контроля над потоками, и территориально-административной модели Рима, основанной на извлечении ренты и прямом администрировании освоенного пространства. Эти две модели носят архетипический, бинарный и исчерпывающий характер. Они представляют собой две фундаментальные стратегии организации круп-

ных социально-экономических систем, отвечая на ключевые вопросы об источнике богатства (поток vs территория) и форме его извлечения (арбитраж/посредничество vs рента/администрация). Все сложные экономические образования являются гибридами с доминированием одной из этих логик. Конфликт между сетевым и территориальным принципами является перманентным двигателем экономической и геополитической истории. Линейная модель прогресса уступает место циклически пульсирующей динамике, в которой временная победа одной парадигмы (как победа Рима) сменяется ее кризисом и реваншем подавленной альтернативы в новой форме.

Современные глобальные противоречия – от регулирования Big Tech и цифрового суверенитета до торговых войн и формирования геополитических блоков – являются прямой проекцией этого извечного конфликта. Цифровые платформы выступают как «неокарфагенские» сетевые империи, а национальные и наднациональные государства – как «неоримские» защитники территориального суверенитета и административного контроля.

Предложенный подход имеет ряд важных следствий:

- дихотомия «Карфаген–Рим» предоставляет мета-рамку, позволяющую интегрировать и переосмыслить ключевые оппозиции классической политэкономии (промышленный/финансовый капитал, рынок/государство, ядро/периферия) как исторически конкретные проявления более глубокого онтологического противоречия;
- он позволяет увидеть структурное единство в кажущемся разнообразии исторических эпох, выстраивая единую линию от античных войн через деятельность Ост-Индских компаний и кризисы индустриального капитализма к вызовам цифровой эпохи;
- понимание логики конфликта позволяет не только диагностировать суть текущих процессов (например, видеть в антимонопольных процессах против Google не просто правовой спор, а битву за суверенитет), но и прогнозировать вероятные сценарии их развития.

1. «Триумф нового Рима»: жесткая регуляция и фрагментация глобального цифрового пространства по национальным юрисдикциям, подчинение платформ государственным интересам.

2. «Триумф нового Карфагена»: ослабление национальных государств, переход ключевых функций (финансы, коммуникации, правосудие) к частным корпоративно-сетевым структурам, формирование постнационального мира, управляемого технократическими платформами.

3. «Перманентный гибридный конфликт»: отсутствие окончательной победы, постоянное напряжение и взаимная адаптация: государ-

ства учатся использовать сетевые инструменты, а корпорации – строить квазигосударственные институты, что ведет к формированию неустойчивой, но динамичной системы.

Обращение к экономическому измерению Пунических войн открывает не только новые горизонты понимания античности, но и дает в руки исследователей мощный аналитический инструмент. Карфаген и Рим не умерли. Они превратились в универсальные экономические парадигмы, вечная борьба между которыми продолжает творить историю, определяя сегодняшние битвы за данные, за технологии и будущее мироустройство. Осознание этого факта – ключ к пониманию того, что мы живем не в конце истории, а в одном из ее вечных, фундаментальных и потому предельно актуальных сюжетов.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2: Игры обмена. М.: Весь мир, 2007. [Braudel F. Civilization and Capitalism, 15th–18th Century. Vol. 2: The Wheels of Commerce. Moscow: Ves Mir, 2007. (In Russ.)]
2. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: ИД «Территория будущего», 2006. [Wallerstein I. World-Systems Analysis: An Introduction. Moscow: Publishing house "Territory of the Future", 2006. (In Russ.)]
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 44–271. [Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. In Selected Works. Moscow: Progress, 1990. Pp. 44–271. (In Russ.)]
4. Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1959. [Hilferding, R. Finance Capital: A Study of the Latest Phase of Capitalist Development. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1959. (In Russ.)]
5. Кузищин В.И. Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э. – I в. н. э. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. [Kuzishchin V.I. The Roman Slave-Ownning Estate from the 2nd Century BCE to the 1st Century CE. Moscow: Moscow University Press, 1973. (In Russ.)]
6. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1983. [Marx K. Capital: A Critique of Political Economy, Vol. 1. In K. Marx & F. Engels, Collected Works. 2nd ed., Vol. 23. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1983. (In Russ.)]
7. Моммзен Т. История Рима. Т. 1. М.: Фолио, 1995. [Mommsen T. The History of Rome, Vol. 1. Moscow: Folio, 1995. (In Russ.)]
8. Поланьи К. Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. [Polanyi K. The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time. St. Petersburg: Aleteiya, 2002. (In Russ.)]
9. Циркин Ю.Б. Карфаген и его культура. М.: Наука, 1986. [Tsirkin Yu.B. Carthage and Its Culture. Moscow: Nauka, 1986. (In Russ.)]
10. Шифман И. Ш. Карфаген. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. [Shifman I.Sh. Carthage. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2006. (In Russ.)]
11. Штаерман Е. М. Кризис античной культуры. М.: Наука, 1978. [Shtaerman E. M. The Crisis of Ancient Culture. Moscow: Nauka, 1978. (In Russ.)]

12. *Arrighi G.* The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times. London: Verso, 1994.
13. *Aubert M. E.* The Phoenicians and the West: Politics, Colonies and Trade. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
14. *Castells M.* The Rise of the Network Society. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I. Oxford: Blackwell, 1996.
15. *Gereffi G., Korzeniewicz M.* (Eds.) Commodity Chains and Global Capitalism. Westport: Praeger, 1994.
16. *Harvey D.* The New Imperialism. Oxford: Oxford University Press, 2003.
17. *Hoyos D.* Mastering the West: Rome and Carthage at War. Oxford: Oxford University Press, 2015.
18. *Huss W.* Geschichte der Karthager. München: C.H. Beck, 1985.

Дата поступления рукописи: 05.12.2025 г.

Дата принятия к публикации: 24.02.2026 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ушаков Денис Сергеевич – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики и международных отношений ФГБОУ ВО Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону, Россия
ORCID: 0000-0001-6413-6116
fintaliano@yandex.ru

Подольская Татьяна Валентиновна – кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой международных экономических отношений Южно-Российского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Ростов-на-Дону, Россия
ORCID: 0000-0003-0337-051X
Podolskaya-tv@ranepa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Denis S. Ushakov – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Professor of World Economy and International Relations Department, Rostov State Economic University, Rostov-on-Don, Russia
ORCID: 0000-0001-6413-6116
fintaliano@yandex.ru

Tatiana V. Podolskaya – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of International Economic Relations Department, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia
ORCID: 0000-0003-0337-051X
Podolskaya-tv@ranepa.ru

FLOW ECONOMY VS TERRITORY ECONOMY: HISTORICAL ROOTS OF THE CONTEMPORARY CONFLICT BETWEEN STATES AND PLATFORMS

The article analyzes the Punic Wars as a prototypical conflict between two fundamental economic paradigms: the network-based (“flow economy”) model of Carthage and the territorial-administrative (“land economy”) model of Rome. It is demonstrated that this confrontation is not merely a historically localized event, but an archetypal one, shaping the long-term dynamics of the global economy. Particular attention is paid to the theoretical substantiation of this dichotomy as a universal analytical framework. The primary historical incarnations of these paradigms are identified—from medieval merchant republics to modern digital platforms. The permanence of this conflict is justified, as it manifests in contemporary contradictions between global network actors and nation-states.

Keywords: *economic paradigm, Punic Wars, Carthage, Rome, network economy, territorial empire, economic conflict.*

JEL: N73, B52, F50.